

Участие несовершеннолетних в террористических сообществах и организациях: анализ международных стандартов и отечественного законодательства

Наталья Юрьевна Лазарева

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, lazareva-ny@ranepa.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3427-5278>

Аннотация. Вербовка детей в террористические организации – мировой тренд, неизменная черта современного терроризма, требующая своевременного и жесткого реагирования со стороны национальных государств, а также международного сотрудничества в сфере защиты детей, оказания им помощи с тем, чтобы свести к минимуму те риски, которым подвергаются эти дети. В статье на основе исследования международно-правовых норм раскрывается статус детей, завербованных вооруженными, в том числе террористическими организациями, а также проведен анализ отражения таких норм и обязательств в российском законодательстве и правоприменительной практике. Делается вывод о том, что растущее число детей в возрасте до 18 лет, вовлеченных в деятельность, связанную с терроризмом, требует соответствующего реагирования со стороны государств, основанного на международном праве, соблюдении прав человека и верховенстве закона.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, минимальный возраст уголовной ответственности, несовершеннолетний, преступления террористического характера, терроризм, участие в террористических организациях

Для цитирования: Лазарева Н. Ю. Участие несовершеннолетних в террористических сообществах и организациях: анализ международных стандартов и отечественного законодательства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 139–146. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-139-146>. EDN LMQGXC

Problems of Criminal and Procedural Law

Original article

Participation of minors in terrorist communities and organizations: analysis of international standards and domestic legislation

Natalia Yu. Lazareva

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, lazareva-ny@ranepa.ru

Abstract. Recruitment of children into terrorist organizations is a global trend, an unchanging feature of modern terrorism, requiring a timely and tough response from national states, as well as international cooperation in the field of protecting children, providing assistance to them in order to minimize the risks to which these children are exposed. Based on a study of international legal norms, the article reveals the status of children recruited by armed, including terrorist organizations, and also analyzes the reflection of such norms and obligations in Russian legislation and law enforcement practice. It concludes that the growing number of children under 18 years of age involved in terrorism-related activities requires an appropriate response from states based on international law, respect for human rights and the rule of law.

Keywords: terrorism, minor, crimes of a terrorist nature, involvement of minors in committing a crime, minimum age of criminal responsibility, participation in terrorist organizations

For citation: Lazareva N. Yu. Participation of minors in terrorist communities and organizations: analysis of international standards and domestic legislation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):139–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-139-146>. EDN LMQGXC

Несмотря на то, что вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера – неизбежный продукт современного глобализирующегося информационного общества, явление это, увы, не новое. Почти 20 лет назад в докладе Грасы Машел «Воздействие вооруженных конфликтов на детей» было обращено внимание международного сообщества на масштабы и последствия вербовки и использования детей вооруженными силами и вооруженными группами, в том числе террористическими. Принятая на основе этого доклада Резолюция ООН 51/77 положила начало формированию нового диалога между государствами-членами в части признания необходимости уделения особого внимания положению детей в зонах вооруженных конфликтов.

Общепризнано, что несовершеннолетние в силу своих психологических характеристик (недостаточность жизненного опыта, психологическая незрелость, доверчивость, повышенная внушаемость, боязнь осуждения со стороны сверстников, склонность к подражанию и пр.) и остроты восприятия окружающей обстановки являются наиболее уязвимой перед лицом терроризма социально-демографической группой. По словам исполнительного директора Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) Кэтрин Рассел, «дети живут в мире, который становится все более враждебным по отношению к их правам. Сегодня 400 млн детей – примерно каждый пятый ребенок – живут в зонах конфликтов или спасаются из них бегством. Многие из этих детей получают ранения, погибают или подвергаются сексуальному насилию. Они теряют членов семьи и своих друзей, а некоторые вербуются и используются вооруженными силами или группировками. Многие из таких детей были вынуждены многократно перемещаться, подвергаясь риску быть разлученными со своими семьями, утратить важные годы обучения и потерять связь со своими местными сообществами. Организацией Объединенных Наций подтверждено более 315 000 случаев грубого нарушения прав детей в зонах конфликта в период с 2005 по 2022 год. И это только те случаи, которые были проверены, а значит, истинное количество нарушений наверняка гораздо выше»¹.

Действительно, реальные масштабы использования детей в террористических целях страшно представить, зачастую информация становится доступной только после смерти детей, когда их прославляют как мучеников и раскрывается их страна происхождения. Но некоторые данные международным организациям всё же удаётся собрать: так согласно Докладу Генерального Секретаря ООН только одной террористической организацией «Боко Харам», начиная с 2009 г. было завербовано более 8000 детей, которые участвовали в нападениях и боевых действиях. За период вооруженного конфликта в Сирии с 16 ноября 2013 г. по 30 июня 2018 г. было выявлено 3377 случаев (3150 мальчиков и 227 девочек), завербованных террористами, при этом 82% из них участвовали в выполнении боевых задач (охрана контрольно-пропускных пунктов, участие в патрулировании и в операциях на передовых линиях, использовались как террористы-смертники, а также при осуществлении казней), при этом каждый третий из завербованных детей был в возрасте до 15 лет².

¹ Рассел К. Дети живут в мире, который становится все более враждебным по отношению к их права – [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <https://www.unicef.org/eca/ru/Пресс-релизы/«дети-живут-в-мире-который-становится-все-более-враждебным-по-отношению-к-их-правам»> (дата обращения: 20.11.2023).

² Доклад Генерального Секретаря ООН от 30 октября 2018 г. «Дети и вооруженный конфликт в Сирийской Арабской Республике» – [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/350/54/PDF/N1835054> (дата обращения: 14.11.2023).

В 2022 г. Организация Объединенных Наций подтвердила имевшие место в предыдущие годы случаи вербовки «Талибаном» 494 мальчиков в возрасте 11-17 лет и их использование в качестве комбатантов и для выполнения вспомогательных функций. В целом, в период с 2016 г. по 2020 г. ООН подтвердила вербовку в среднем 8 756 детей в год¹.

Еще одна тревожная тенденция, свидетельствующая о том, что вербовка детей в террористические организации становится широко распространенным явлением – это наличие и увеличение количества лагерей по подготовке будущих террористов, где проводится не только военная подготовка детей, но их идеологическая обработка. Подростков превращают в смертоносное оружие, лишая детства и обрекая на мрачное будущее.

Приведенные данные отчетливо свидетельствуют об уязвимости несовершеннолетних перед террористической угрозой, поэтому вполне оправдано признание в Российской Федерации в качестве угрозы безопасности детей их вовлечение в преступную деятельность (Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации до 2030 г.»²). В п.8 указанной Стратегии отмечена необходимость формирования у детей стойкого неприятия идеологии терроризма и экстремизма, а также противодействия вовлечению детей в деструктивные сообщества и преступные группировки.

В Российской Федерации нет (по крайней мере, в открытом доступе) информации о том, сколько всего несовершеннолетних было вовлечено в террористическую деятельность, поэтому мы можем анализировать только статистические данные о вовлечении в совершение любых преступных деяний, запрещенных уголовным законодательством под угрозой наказания. Несмотря на достаточно позитивные данные отечественной официальной статистики, свидетельствующей о снижении в 2022 г. количества зарегистрированных случаев вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность на 15,7% по сравнению с 2021 г., тем не менее, актуальность противодействия этому противоправному явлению очевидна. По заявлению Генерального прокурора РФ И. Краснова, в 2022 г. в России было совершено 127 террористических актов, в 13 из них принимали участие несовершеннолетние³.

В настоящей статье представлен анализ существующих международных стандартов, а также норм отечественного законодательства в области отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступлений террористической направленности.

Дети, завербованные террористическими группировками, с точки зрения норм международного права есть жертвы терроризма, а значит, и обращение с ними, возможное уголовное преследование, реабилитация и реинтеграция должны основываться на понимании этого статуса.

Дети могут пострадать от терроризма по-разному – стать прямыми жертвами терактов, свидетелями насилия или, собственно, самими преступниками-террористами, которые с помощью оружия непосредственно участвуют в совершении террористических актов, в том числе и в качестве смертников. Как было отмечено, с каждым годом растет количество детей, завербованных террористическими группировками внутри или за пределами своей страны: некоторых похищают или насильно вовлекают в преступную деятельность, некоторых соблазняют обещаниями денег или других материальных преимуществ, другие присоединяются добровольно, а некоторые практически не имеют другого выбора, кроме как сопровождать своих родителей или других членов семьи в зоны военных конфликтов, где их участь во многом предreshена.

¹ Информационный бюллетень ЮНИСЕФ «Дети, живущие в условиях вооруженного конфликта», 2022 год – [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <https://www.un.org/ru/observances/child-victim-day> (дата обращения: 14.11.2023).

² Указ Президента РФ от 17.05.2023 N 358 "О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года" // Официальный интернет-портал правовой информации – [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <http://pravo.gov.ru>, 17.10.2023

³ В 2022 году в России зарегистрировано 13 терактов с участием несовершеннолетних // Интерфакс. 26.04.2023 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <https://www.interfax.ru/russia/897807> (дата обращения: 15.11.2023 г.).

Для понимания статуса таких детей обратимся к международным документам, прежде всего, к Декларации прав ребенка от 20 ноября 1959 г.¹ и Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г.², которые были приняты и одобрены Генеральной Ассамблеей ООН. Так, в соответствии с указанной Декларацией ребенок нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту (преамбула), законом и другими средствами ему должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены благоприятные условия, позволяющие развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства (принцип 2), а равно он должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации (принцип 9). Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. также обязывает государства обеспечивать ребенку такую защиту и заботу, которые нужны для его благополучия (ст. 3), принимать все законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью его защиты от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления (ст. 19), защищать ребенка от всех форм эксплуатации, наносящих ущерб любому аспекту его благосостояния (ст. 36). Помимо сказанного, Конвенция о правах ребенка, реагируя на современные вызовы и угрозы, была дополнена рядом Факультативных протоколов. Один из них, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, закрепил запрет вербовки и использования в военных действиях лиц, не достигших 18-летнего возраста (ч.1 ст. 4). Подобное «жесткое выдерживание критерия достижения 18 лет» требует, чтобы государства-участники принимали все возможные меры в целях предупреждения такой вербовки и использования детей, включая принятие правовых мер, необходимых для криминализации такой практики (ч. 2 ст. 4)³.

Россия ратифицировала данный документ с заявлением относительно предоставления права лицам, достигшим 16-летнего возраста поступать в военные образовательные учреждения профессионального образования. Как видим, эта оговорка относится исключительно к законным вооруженным формированиям. В отношении незаконных, в том числе террористических, Россия придерживается однозначной позиции о недопустимости подобных действий и предпринимает все возможные меры, чтобы противостоять этому, в том числе посредством мер уголовно-правового воздействия.

Относительно остальных положений, цели российской государственной политики в отношении детей полностью согласуются с вышеуказанными документами Организации Объединенных Наций и направлены на обеспечение в приоритетном порядке защиты достоинства личности, права на жизнь, права на свободу и личную неприкосновенность, что предполагает принятие законодательных мер с целью обезопасить каждого ребенка от неблагоприятного воздействия на его психику, которое может существенно повлиять на его развитие.

Проведенный анализ международных правовых документов показал, что дети, завербованные террористами, рассматриваются как жертвы терроризма, жертвы нарушения международного права. Такой подход мы можем видеть, например, в Резолюции Совета Безопасности «Дети и вооруженные конфликты», принятой на 8305-м заседании 9 июля 2018 г.⁴ Эта же позиция отражена и в уже рассмотренном Докладе Генерального секретаря ООН от 30 октября 2018 г.: «Всех детей, предположительно связанных с противоборствующими

¹ Декларация прав ребенка. Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов.- М.: Юридическая литература, 1990. С. 385 – 388.

² Конвенция о правах ребенка. Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 //Сборник международных договоров СССР", выпуск XLVI, 1993.

³ "Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах" (Принят в г. Нью-Йорке 25.05.2000 Резолюцией 54/263 на 97-ом пленарном заседании 54-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 2009. N 5. С. 10 - 15.

⁴ Резолюция 2427 (2018), принятая Советом Безопасности на его 8305-м заседании 9 июля 2018 года // Официальный сайт Совета Безопасности ООН – [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/216/83/PDF/N1821683.pdf?OpenElement> (дата обращения: 23.11.2023).

вооруженными силами или вооруженными группировками, следует рассматривать, прежде всего, как жертв вербовки и использования»¹. В Справочнике, подготовленном Контртеррористическим центром ООН, предусмотрен специальный параграф 1.3.1 «Обращение с детьми, прежде всего, как с жертвами»².

При этом важно, что в международных документах обосновывается надуманность разницы между добровольной и принудительной вербовкой детей в террористические организации. Получается, что признавая, с одной стороны, детей в качестве самостоятельных субъектов права, с другой – отрицается факт абсолютно добровольного, намеренного вступления ребенка в эти деструктивные группировки. Полагаем, что эта позиция справедлива, поскольку дети как наиболее уязвимые, легко манипулируемые члены общества, в конечном счете, принимают эти решения под воздействием давления, уговоров, принуждения со стороны взрослых вовлечателей.

Отметим, что данный подход воспринят и отечественной правоприменительной практикой. В качестве примера – Постановление Конституционного суда РФ № 26-П от 25 мая 2023 г. по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой. В этом Постановлении, в частности, отмечено, что «детство – это период физической, умственной и психологической незрелости и одновременно важнейший этап развития человека, когда закладываются основы личности и в ходе подготовки к полноценной жизни в обществе формируются социальная и творческая активность, моральные качества, мировоззрение и взгляды, определяющие жизненные принципы и перспективы»³. В этой связи не может быть обойден вниманием – с учетом нравственной и психологической незрелости несовершеннолетнего – фактор влияния на него третьих лиц как причины или условия совершения преступления, требующий оценки личности и деяния как самого несовершеннолетнего, так и повлиявших на него лиц.

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, обуславливается в ряду прочего тем, что до совершеннолетия формирование личности считается незавершенным. Детская и подростковая психика отличается подвижностью, незрелостью и неустойчивостью к внешнему влиянию (внушаемостью), ввиду чего такое негативное воздействие со стороны взрослого, как вовлечение в совершение преступления, не только подталкивает ребенка к противоправному поведению, но и нарушает процессы его нормальной социализации и нравственно-психического развития (созревания) личности. Устанавливая ответственность взрослого за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, законодатель дал оценку опасности такого рода деяния, учитывая в том числе посягательство на нормальное физическое, психическое и нравственное развитие и воспитание несовершеннолетнего и особенности восприятия ребенком социального значения своих поступков, степень внушаемости и податливости внешнему воздействию, пусть не достигающему типичных характеристик физического или психического насилия, но способному причинить вред складывающейся личности.

По смыслу ст. 150 УК РФ с учетом ее места в данном Кодексе несовершеннолетний, вовлекаемый в совершение преступления любым способом, в том числе не связанным

¹ Доклад Генерального Секретаря ООН от 30 октября 2018 г. «Дети и вооруженный конфликт в Сирийской Арабской Республике» – [Электронный ресурс] – Режим доступа - URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/350/54/PDF/N1835054> (дата обращения: 14.11.2023).

² Дети, затронутые действиями иностранных боевиков: подход, основанный на обеспечении прав ребенка. Справочник, подготовленный Контртеррористическим центром ООН. – [Электронный ресурс] – URL: https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/19-22775-r-dpa-fft_han (дата обращения: 23.11.2023).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 N 26-П "По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой" // Собрание законодательства РФ. 05.06.2023, № 23 (Часть II), ст. 4272.

с применением к нему физического или психического принуждения, во всяком случае становится жертвой (потерпевшим в уголовно-правовом смысле) самостоятельного преступного посягательства со стороны взрослого, оказываясь под его пагубным влиянием, способным сформировать (упрочить) ложное представление о допустимости противозаконного поведения, пренебрежительного или негативного отношения к правам и свободам других лиц, к ценностям общества и государства.

Тем самым, по смыслу положений ст. 150 УК РФ и ст. 42 УПК РФ, лицо подлежит признанию потерпевшим по уголовному делу о его вовлечении в совершение преступления в период несовершеннолетия, с которым связываются дополнительные гарантии защиты прав таких участников уголовно-правовых отношений, учитывающие их социальные, возрастные и психофизиологические особенности, независимо от способа такого вовлечения и от последующего достижения совершеннолетия. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл ч. 4 ст. 150 УК РФ и ч. 1 ст. 42 УПК РФ является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике¹.

Как видим, Конституционный суд РФ формирует однозначный подход правоприменителя к признанию несовершеннолетнего, вовлеченного в преступную деятельность, потерпевшим (жертвой), независимо от способа такого вовлечения. Таким образом, на наш взгляд, закладываются основы для расширения этого общеобязательного подхода на иные уголовно-правовые нормы, затрагивающие права несовершеннолетних.

Привлечение несовершеннолетних к уголовной ответственности за связь с террористическими организациями: проблемы установления минимального возраста уголовной ответственности за содействие террористической деятельности.

Итак, с позиции международного гуманитарного права, дети, завербованные террористами, есть жертвы, а значит, и обращение с ними, возможное уголовное преследование должны основываться на понимании этого статуса. Особую обеспокоенность международного сообщества вызывает факт привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних за связи с вооруженными группами, в том числе с группами, которые были отнесены Организацией Объединенных Наций к категории террористических. По данным ООН в 2022 г. было зарегистрировано 2496 подобных случаев.

В докладах международных организаций обращено внимание на достаточно широкое толкование термина «терроризм» в национальном законодательстве отдельных стран, в связи с чем, допускается привлечение к ответственности даже за действия, которые, по сути, не являются преступными, например, приготовление пищи, уборка помещений, приобретение продуктов. Это приводит к тому, что дети «привлекаются к уголовной ответственности за связь с террористическими группами, даже за незначительное участие, вместо того, чтобы относиться к ним как к жертвам расчетливой идеологической обработки со стороны вербовщиков»². Факты свидетельствуют о том, что идеология не основной, не самый важный фактор, побуждающий детей присоединяться к террористическим группам. Скорее психологический дистресс, социальная изоляция, травмирующий опыт, потеря близких, остракизм и дискриминация, манипуляция или принуждение являются теми ключевыми факторами, которые побуждают детей присоединяться к террористическим группировкам.

В международных докладах обращается внимание на то, что идеология, если она присутствует, для подростков может быть оправданием постфактум; лишь со временем посредством идеологической обработки дети становятся более преданными террористической

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 N 26-П "По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой" // Собрание законодательства РФ. 05.06.2023, N 23 (Часть II), ст. 4272.

² Дети, затронутые действиями иностранных боевиков: подход, основанный на обеспечении прав ребенка. Справочник, подготовленный Контртеррористическим центром ООН. – [Электронный ресурс] – URL: https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/19-22775-r-dpa-fft_han (дата обращения: 23.11.2023).

организации. Именно поэтому национальные антитеррористические программы должны быть сосредоточены на восстановление благополучия ребенка и обеспечение его интеграции и принятия в общество.

Несмотря на высказанные рекомендации, к детям, связанным с вооруженными группировками, относятся через призму безопасности, а не через призму прав ребенка или его защиты. Здесь уместно напомнить о тех общих принципах, определяющих международные стандарты отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. К ним, прежде всего, относится принцип «меньшей виновности», связанный с особенностями физического и психического развития детей, что рекомендует национальным государствам создавать отдельную систему, предполагающую дифференцированный подход.

Не менее важным является установление минимального возраста, с которого возможно привлечение к уголовной ответственности. Несмотря на то, что ни в одном международном документе не указан однозначно этот минимальный возраст, тем не менее, рекомендовано увеличить минимальный возраст до 14 лет (как минимум), при этом высказывается «признательность» тем государствам, которые установили более высокий возраст наступления уголовной ответственности – 15 или 16 лет. В тоже время, в международных документах, например, в Замечании общего порядка № 24 (2019) о правах ребенка обозначена обеспокоенность практикой, «допускающей использование более низкого минимального возраста уголовной ответственности в случаях, когда, например, ребенок обвиняется в совершении серьезного преступления. Такая практика обычно возникает в ответ на давление общественности и не основана на рациональном понимании развития детей»¹. Напомним, что в России действует именно такой подход: согласно ч. 1 ст. 20 УК РФ общий возраст привлечения к уголовной ответственности – это 16 лет, а за ряд преступлений, исчерпывающий перечень которых приведен в ч. 2 ст. 20 УК РФ, в том числе за совершение отдельных преступлений террористического характера, возраст уголовной ответственности снижен до 14 лет.

На необходимость особого обращения с детьми, вовлеченными в вооруженные конфликты, в том числе и посредством участия в террористических актах, обращено внимание в Обзоре Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, где прямо прописано, что со всеми детьми, связанными с террористическими группами, следует «обращаться таким образом, чтобы это отвечало их правам, достоинству и потребностям сообразно применимым нормам международного права, и, в частности, обязательствам в соответствии с Конвенцией о правах ребенка, с учетом их потенциального статуса жертв терроризма, а также других нарушений норм международного права»². Упомянутая в этом контексте Конвенция, в частности, в ст. 37, гарантирует неприменение смертной казни, пожизненного лишения свободы, а также иных бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, в том числе предписывает государствам-участникам предпринимать все необходимые меры для того, чтобы содействовать физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребенка, являющегося жертвой.

Анализ российского антитеррористического законодательства, связанного с противодействием вовлечению несовершеннолетних в террористическую деятельность, с очевидностью свидетельствует о его полном соответствии международным стандартам. Как было отмечено, Россия гарантирует невовлеченность несовершеннолетних в вооруженные конфликты, в том числе соблюдает правило о прохождении военной службы исключительно лицами, достигшими 18-летнего возраста. Что же касается вовлечения несовершеннолетних в деятельность вооруженных, в том числе, террористических группировок, то российское

¹ Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 24 (2019) о правах детей в системе правосудия в отношении детей (CRC/C/GC/24), пункт 25. – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <https://docstore.ohchr.org/> (дата обращения: 23.11.2023).

² Обзор Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, резолюция 72/284 Генеральной Ассамблеи – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <https://docstore.ohchr.org/> (дата обращения: 23.11.2023).

уголовное законодательство весьма жестко реагирует на подобные проявления. Так, Уголовный кодекс в ч. 4 ст. 150 УК РФ предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Кроме того, в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ предусмотрена ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица, причем не только несовершеннолетнего, в совершение одного из указанных в диспозиции статьи преступления террористического характера.

В то же время, необходимо обозначить те отступления, которые Россия допускает при криминализации вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность. Прежде всего, отметим уже упомянутую нами возможность снижения возраста уголовной ответственности за ряд преступлений, в том числе террористического характера (ч. 2 ст. 20 УК РФ), что с точки зрения Комитета ООН по правам ребенка является «ущербной практикой», от которой следует избавиться.

Вторым, весьма противоречивым и спорным моментом, является рекомендация Контртеррористического центра ООН о непривлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних за участие в вооруженной группе или принадлежность к ней, поскольку вербовка и использование детей вооруженной группой является нарушением их прав. Это означает, что детям не должны предъявляться обвинения в связях с террористической группой; необходимо направить усилия на выявление и уголовное преследование тех взрослых лиц, которые вербовали детей и манипулировали ими¹. При этом российское уголовное законодательство именно за факт участия в террористическом сообществе или организации предусматривает и вовсе снижение возраста уголовной ответственности до 14 лет.

Полагаем, что с учетом международных рекомендаций, которые в большинстве были восприняты Российской Федерацией и отражены в национальном законодательстве, следует сделать еще один шаг, направленный на гуманизацию уголовного законодательства и свидетельствующую о полном признании отечественным законодателем того факта, что несовершеннолетние – это не полноправные участники террористических организаций, а всего лишь орудие в руках опытных вербовщиков, по сути, жертвы терроризма, а значит и устанавливать уголовную ответственность лишь за принадлежность к такой деструктивной группе (ст. 205.4 УК РФ и ст. 205.5 УК РФ) для данной категории лиц излишне. В то же время, признавая, что в текущей ситуации сделать это будет достаточно проблематично, предлагаем сделать первый шаг – поднять возраст уголовной ответственности по названным статьям до 16 лет, а в дальнейшем, при позитивном развитии криминальной ситуации вернуться к этому вопросу и учесть международные рекомендации.

Информация об авторе

Н. Ю. Лазарева – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

N. Yu. Lazareva – Cand. Sci. (Jurid.), Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.11.2023; одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 06.12.2023.

The article was submitted 21.11.2023; approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 06.12.2023.

¹ Обзор Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, резолюция 72/284 Генеральной Ассамблеи – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <https://docstore.ohchr.org/> (дата обращения: 23.11.2023).